

Male and Female Roles in the Perception of Young People Among Belarusians, Bulgarians, and Russians

Olga V. Semenova¹ (a), Valentina N. Burkova² (a), Marina L. Butovskaya³ (b), Alexey M. Ermakov⁴ (c), Elena N. Kasparova⁵ (d), Olga V. Kalinichenko⁶ (e), & Stanislava Stoyanova⁷ (f)

(a) Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

(b) Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

(c) Don State Technical University. Rostov-on-Don, Russia

(d) Belarusian State University. Minsk, Belarus

(e) Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia

(f) South-West University "Neofit Rilski". Blagoevgrad, Bulgaria

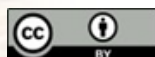
Received: 17 June 2024 | Revised: 2 October 2024 | Accepted: 15 October 2024

Abstract

The inequality of women in various areas of life still holds on, despite all efforts, in many countries, including work, politics and everyday life. However, there is still a great deal of controversy and debate about gender equality in different countries. A comparative analysis of ideas about male and female roles among young representatives of three Slavic peoples, Russians (1043 pers.), Belarusians (373), and Bulgarians (346), is conducted in this study. The replies of the respondents from all studied samples overwhelmingly accept the norms of gender equality, since the majority of respondents absolutely agreed with the statements of the questionnaire regarding the gender equality and disagreed with those items in which those norms were denied. At the same time results showed significant cultural differences: respondents from Bulgaria often expressed traditional views on norms of behavior for women. Belonging to particular religion also affected attitudes towards gender equality. Due to the country's socialist history, Belarus' showed itself to be the most gender-equal country among all the societies studied. The traditional view of female behavior and women's place in the family has been preserved in Bulgaria, probably because of the greater religiosity of modern Bulgarian society.

Keywords

Male and Female Roles; Gender Equality; Gender Inequality; Cultural Differences; Belarusians; Bulgarians; Russians; Religion; Cross-Cultural Research; Slavs

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: m4248296[at]yandex.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0015-243X>

2 Email: burkovav[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>

3 Email: marina.butovskaya[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519>

4 Email: amermakov[at]ya.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9834-3989>

5 Email: elena_arts[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2721-3105>

6 Email: kalynich1[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0009-0001-9022-0298>

7 Email: avka[at]jabv.bg ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8873-9285>

Мужские и женские роли в представлении молодежи у белорусов, болгар и русских

Семенова Ольга Владимировна¹ (а), Буркова Валентина Николаевна² (а),
 Бутовская Марина Львовна³ (b), Ермаков Алексей Михайлович⁴ (с),
 Каспарова Елена Николаевна⁵ (d), Калиниченко Ольга Вячеславовна⁶ (е),
 Стоянова Станислава⁷ (f)

(а) Институт этнологии и антропологии РАН. Москва, Россия

(b) Институт этнологии и антропологии РАН; Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

(с) Донской государственный технический университет. Ростов-на-Дону, Россия

(d) Белорусский государственный университет. Минск, Беларусь

(е) Дальневосточный Федеральный университет. Владивосток, Россия

(f) Юго-Западный университет «Неофит Рылский». Благоевград, Болгария

Рукопись получена: 17 июня 2024 | Пересмотрена: 2 октября 2024 | Принята: 15 октября 2024

Аннотация

Сегодня, несмотря на все усилия, во многих странах женщины продолжают страдать от неравенства в различных областях жизни, включая работу, политику и быт. Однако вопрос гендерного равенства в разных странах по-прежнему вызывает много споров и дискуссий. Цель данного исследования – провести сравнительный анализ представлений о мужских и женских ролях у молодых представителей трех славянских народов: русских (1043 чел.), белорусов (373 чел.) и болгар (346 чел.). Ответы респондентов из всех исследованных выборок в подавляющем большинстве всецело принимают нормы гендерного равноправия, так как большая часть респондентов абсолютно согласилась с утверждениями анкеты, касающимися равенства полов, и не согласилась с теми из вопросов, в которых эти нормы отрицались. В то же время анализ данных показал значительные культурные различия: респонденты из Болгарии выразили, скорее, традиционные взгляды на нормы женского поведения. Принадлежность к определенной религиозной конфессии также влияла на отношение к проблеме равенства полов. Беларусь, в свою очередь, показала себя как наиболее гендерно-равноправная страна среди всех исследуемых обществ, – вероятно, благодаря сохраняющемуся историческому наследию социалистического прошлого страны. В то же время в Болгарии традиционный взгляд на идеалы женского поведения и место женщины в семье, возможно, обусловлен более выраженной религиозностью современного болгарского общества.

Ключевые слова

мужские и женские роли; равенство полов; гендерное неравенство; культурные различия; белорусы; болгары; русские; религия; кросс-культурные исследования; славяне

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: m4248296[at]yandex.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0015-243X>

2 Email: burkovav[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>

3 Email: marina.butovskaya[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519>

4 Email: amermakov[at]ya.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9834-3989>

5 Email: elena_arts[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2721-3105>

6 Email: kalynich1[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0009-0001-9022-0298>

7 Email: avka[at]abv.bg ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8873-9285>

Введение

Отношение к женщинам и статус женщин в обществе и семье являются важными культурными показателями. Во многих странах женщины страдают от неравенства в различных сферах жизни, включая сферу труда, политики и домашнего хозяйства. Согласно отчету Всемирного экономического форума по показателю «Глобальный индекс гендерного разрыва»¹ (World Economic Forum, 2017²), ни одна страна еще не достигла полного гендерного равенства.

Однако сам по себе вопрос гендерного равенства вызывает много дискуссий, и с появлением данных о традиционных обществах и ранее недоступных для исследований культурах, антропологи все чаще обращают внимание на разделение мужских и женских ролей в них. В различных культурах нормативные ожидания для мужчин и женщин могут не просто различаться, но и желательно, чтобы они были разными. Согласно теории социальных ролей (*social role theory*; Eagly and Wood 1991; Croson and Gneezy 2009; Eagly and Wood, 2012), взаимодействие между биологическими и культурными (социальными) факторами приводит к разделению труда, основанному на представлениях о дифференциальных гендерных ролях, и в процессе социализации такие представления и убеждения дополнительно укрепляются. Эти различия в ожидаемых образцах поведения мужчин и женщин создают культурное разнообразие форм гендерного взаимодействия, которые определяются влиянием биологических, социальных и личностных факторов. Биологические различия в сочетании с неравномерным распределением экономических и структурных ресурсов между женщинами и мужчинами приводят к различным гендерным убеждениям и ожиданиям от них, которые регулярно подкрепляются гендерно-специфичной социализацией и принятыми в данной культуре нормами и традициями. Мифологический и культурный опыт, в котором отражается половая дифференциация, являются основой человеческой психики (Shweder, 2003), программирующей, в том числе, и коллективные представления общества (Hofstede, 2001). Немаловажным является и экономический фактор, подразумевающий вовлеченность мужчин и женщин в разную экономическую деятельность. Зачастую от распределения мужских и женских ролей в обществе (прежде всего, касающихся трудовых функций) зависит выживание популяции (Semenova et. al., 2021). Так, наши многолетние исследования в Танзании показывают, что в обществах традиционных скотоводов *датоба* и охотников-собирателей *хадза* строго распределены все обязанности: у скотоводов мужчины, начиная с самого раннего возраста, выпасают скот, отгоняя его на дальние пастбища

1 Глобальный индекс гендерного разрыва ежегодно оценивает текущее состояние и эволюцию гендерного паритета по четырем ключевым измерениям (экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и выживание, а также политические полномочия).

2 Это последний год, когда Россия давали свои данные. В последние отчеты 2022, 2023 г. данные по России не представлены.

(отсутствуя весь день дома), и исполняют военно-защитные функции, в то время как женщины заняты заботами внутри домохозяйств: занимаются детьми, готовят еду, шьют одежду, а также приносят домой воду и хворост (Бутовская и др., 2012а). При этом нельзя сказать, что женщины в этой полигамной патрилокальной культуре ущемлены в своих правах – женщины активно участвуют не только в социальной (выступают на общественных собраниях и сами являются инициаторами таких собраний), но и в религиозной жизни общества (могут быть колдуньями и знахарками, к которым за советом обращаются лица обоего пола); хотя наследование скота осуществляется по мужской линии, женщина также может владеть скотом (ей принадлежит скот, полученный от ее семьи как брачный подарок, часть скота в стадах сыновей, а также доля скота, выделенная ей в собственность из стада мужа) (Бутовская и др., 2012б). Таким образом, в традиционных обществах наличие различий между гендерными ролями и стереотипами в поведении мужчин и женщин является частью адаптивных практик, сформированных по принципу оптимизации распределения ролей в социуме, и не всегда связано с ущемлением прав женщин.

Наиболее распространенный подход к объяснению гендерных различий в современных обществах связан с социальными ролями мужчин и женщин и предполагает, что эти различия носят чисто социальный характер, то есть они конструируются и навязываются обществом: ценности, соответствующие мужским и женским ролям, формируются как социальные стереотипы, усваивающиеся мальчиками и девочками в детстве и интернализирующиеся как личные ценности в более позднем возрасте (Fiske et al. 2002; Ridgeway 2001; Bell and Burkley 2014; Martin and Ruble 2004; Zinkina et al., 2024). С точки зрения теории социальных ролей, по мере размывания границ между принятыми моделями мужского и женского поведения традиционные гендерные различия в ценностях должны начать исчезать (или, по крайней мере, должны значительно ослабевать) (Eagly and Wood, 2012; Zinkina et al., 2024). С другой стороны, исследования показывают, что это не так – напротив, гендерные различия наиболее выражены в европейских и американских культурах, где традиционные гендерные роли сведены к минимуму (Connolly et al., 2020; Zinkina et al., 2024). В одном из лонгитюдных исследований, сравнивающих данные опросов 1980-х годов и 2014 года, было показано, что, несмотря на большие успехи женщин в различных экономических и политических областях, психологические и поведенческие различия между полами остались примерно одинаковыми (Haines et al., 2016). Эти данные указывают на то, что половые различия в ценностях могут иметь некоторые базовые универсалии, которые сохраняются даже несмотря на изменения, связанные с социально-экономическим развитием (Zinkina et al., 2024).

В этой работе мы обращаемся к современным обществам Восточной Европы, исследования изменений ценностных ориентиров гендерного равенства в которых недостаточно представлены в мировой научной литературе.

Цель данного исследования – сравнительная оценка взглядов на мужские и женские роли у молодых представителей трех славянских народов (русских, белорусов и болгар) из трех стран. В задачи исследования входят: выявление сходства и различий в представлениях о гендерном равенстве в трех исследуемых популяциях, влияние факторов пола и религиозной принадлежности на представления о гендерном равенстве.

Предварительная гипотеза заключается в том, что в исследованных выборках будут наблюдаться, с одной стороны, сходные тенденции, обусловленные общим культурным и историческим прошлым, с другой стороны, предполагается, что болгары, входящие в состав Евросоюза, будут отличаться по некоторым нормам поведения вследствие проведения активной политики борьбы за гендерное равенство в этом регионе после вхождения в ЕС и иметь более профеминистские взгляды. Мы ожидаем также, что российская выборка будет наиболее традиционной в своих ответах. При этом мужчины будут показывать более традиционные взгляды на равенство полов по сравнению с женщинами.

Актуальность исследования определяется недостаточной представленностью сравнительных работ, освещающих различия в ценностных ориентирах и представлениях о гендерном равенстве молодежи Восточной Европы. Как известно, отношения России со странами бывшего восточного блока за четверть века прошли несколько этапов: от их практически полного разрыва в середине 1990-х гг., до улучшения отношений в первом десятилетии 2000-х, и фактически полного их прерывания с началом украинского кризиса, что негативно влияет на возможность проведения совместных научных исследований, особенно в гуманитарной сфере (Zankina 2023). Между тем социально ориентированные, антропологические и этнологические работы, направленные на определение ценностных ориентиров жителей нашей страны, методологически предполагают включение в кросс-культурное сравнение данных по странам с населением, наиболее близким по ряду ключевых параметров к нашему. Общность религии и языка, исходная антропологическая близость, недавнее социалистическое прошлое – все это объединяет наши выборки, включившие россиян (преимущественно православных русских, проживающих в центральном регионе, Южном федеральном округе и Приморском крае РФ), белорусов из Минской и Гродненской областей (также преимущественно исповедующих православие) и болгар, проживающих в столичном регионе и на юго-западе Болгарии, в подавляющем большинстве являющимися православными этническими болгарскими (но с включением в анализ мусульманской прослойки, доля ответов которой не превышала 12 %), что позволяет нам в дальнейшем делать выводы об исключительном влиянии последних десятилетий на наблюдаемые в нашем обществе и обществе наших соседей изменения в ценностных ориентирах молодежи.

Согласно показателям Глобального индекса гендерного разрыва, в 2017 г. самый высокий индекс (наибольшее равноправие между полами) наблюдался

в Болгарии, далее шла Беларусь и Россия (табл. 1). Данные за 2023 год (*World Economic Forum, 2023*), где Россия уже не представлена, показывают снижение общего гендерного индекса как в Беларуси (за счет снижения экономических и образовательных возможностей женщин), так и в Болгарии (за счет снижения уровня участия женщин в политике) (табл. 1).

**Table 1. Global Gender Gap
 Index indicators for 2017 and 2023**

**Таблица 1. Показатели Глобального
 индекса гендерного разрыва
 за 2017 г. и 2023 г.**

Страна	Глобальный индекс ранк (место) 2017 2023 ↓	Экономическое участие и возможности ранк (место)	Образование ранк (место)	Здравоохранение ранк (место)	Политическое участие ранк (место)
Беларусь	0,744 (26) 0,752 (41) ↓	0,827 (5) 0,819 (7) ↓	0,999 (35) ↓ 0,991 (75)	0,979 (45) 0,980 (1) ↑	0,173 (73) 0,217 (69) ↑
Болгария	0,756 (18) 0,715 (65) ↓	0,710 (51) 0,738 (39) ↑	0,990 (80) 0,994 (63) ↑	0,979 (36) 0,979 (28) ↑	0,346 (23) 0,148 (98) ↓
Россия	0,696 (71)	0,724 (41)	0,997 (50)	0,980 (1)	0,085 (121)

Дано по: *The Global Gender Gap Report за 2017 и 2023 гг. (World Economic Forum, 2017, 2023)*

Стоит отметить, что в зарубежном научном дискурсе тематика полового самоопределения и вытекающая из нее проблема формирования ценностных ориентиров молодежи представляет собой чрезвычайно дискуссионную тему; при этом на Западе не утихают дебаты относительно самого определения понятия «пол» (DuBois, Shattuck-Heidorn, 2021). Однако в зарубежных работах по гендерным стереотипам и ценностным ориентирам молодёжи, к сожалению, теряется ключевая задача научного поиска – фиксация и анализ объективных настроений молодёжи на Западе в целом, и в странах Восточной Европы, в частности. Российским же исследователям, как было отмечено выше, сегодня сложно участвовать в международной коллаборации. Таким образом, новизна предлагаемого исследования заключается в попытке произвести беспристрастную ревизию ценностей гендерного равенства у молодёжи в трех заявленных культурах. Благодаря применению методики сравнительного кросс-культурного анализа мы рассчитываем представить проблему сохранения традиционных ценностей нашей страны в новом ракурсе. В рамках данной статьи, здесь и далее, мы будем понимать под гендером совокупность социальных норм, определяющих допустимые и желательные проявления поведения для представителей мужского и женского пола в обществе, а под гендерным равенством – подразумевать равенство полов.

Объект и методы исследования

В 2022–2024 гг. было проведено кросс-культурное онлайн-исследование с использованием платформы Google-форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов, размещенными в сети Интернет. Участники исследования перед началом опроса давали письменное добровольное согласие, протокол исследования утвержден Этическим комитетом Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Протокол № 11 от 22.09.2022 г.) в соответствии с принятыми международными нормами.

Опрос проходил среди студентов различных ВУЗов в крупных городах из трех стран: Россия (г. Москва, г. Ростов-на-Дону, г. Уссурийск), Беларусь (г. Минск, г. Брест, г. Гродно), Болгария (г. Благоевград, г. София). Таким образом, выборка представлена городской студенческой молодежью от 20 до 27 лет.

Общая выборка исследования составила 1762 человек (табл. 2). Российская выборка представлена большим количеством респондентов в силу больших возможностей по сбору материала авторов. Однако большее число респондентов из России не влияет на анализ и не создает «статистический перекося» в значениях средних баллов, а напротив, только делает наши выводы более фундированными. Размеры выборок из других стран (более 300) удовлетворяют критериям оценки статистической значимости на этапе анализа материала.

Этничность и религиозная принадлежность определялись на основе самооценок респондентов. Из итоговой выборки были исключены те, кто указывал свою этничность не как русские (в российской выборке), не как белорусы (в белорусской) и не как болгары (в болгарской).

Table 2. Socio-demographic characteristics of the samples

Таблица 2. Социо-демографические характеристики выборок

Страна	N	Возраст средние (ст.откл.)	Мужчины/ женщины	% разводов у родителей от общей выборки
Беларусь	373	20,76 (5,419)	146/227	20,1
Болгария	346	26,50 (9,849)	34/312	24,0
Россия	1043	20,38 (5,202)	396/647	29,6

Белорусы – восточнославянский народ, проживающий преимущественно на территории Республики Беларусь, где они являются доминирующей национальностью (84,9 % согласно переписи в 2019 году; Белстат, 2019). Верующие белорусы – в основном православные (77% от общей численности населения по данным Информационно-аналитического центра при Администрации

президента РБ). Католики составляют около 9,5 % от общей численности населения (ИАЦ, 2012¹).

Болгары – южнославянский народ, проживающий преимущественно на территории Республики Болгария и доминирующий в стране (85,7 % согласно переписи в 2021 году; Нацстатинститут РБ, 2021). Большинство болгар – члены Болгарской православной церкви (76%), которая является важнейшим фактором идентичности болгар.

Русские – восточнославянский народ, проживающий преимущественно на территории России, где они представляют доминирующее большинство (71,73 % согласно переписи в 2021 году; Росстат, 2021). Верующие русские – в основном православные (75%).

В работе была использована короткая версия опросника «Отношение к женщинам» (AWS) (Spence et al. 1973), где 25 вопросов представлены в виде утверждений, описывающих роли и модели поведения во всех основных областях деятельности, в которых нормативные ожидания могли бы быть одинаковыми для мужчин и женщин. Шкала служит отражением определенных культурных особенностей, связанных со стандартами мужского и женского поведения в обществе, местом женщины в семье и обществе (профессиональная, образовательная и интеллектуальная деятельность), нормы сексуального поведения). Например, оценивались утверждения: “Женщины должны меньше беспокоиться о своих правах и больше о том, чтобы быть хорошими женами и матерями” (от утверждения «абсолютно не согласен» – 1 балл, до «абсолютно согласен» – 4 балла) (подробнее см. табл.2). Суммарный балл по данному опроснику обозначает изменения от традиционного взгляда (минимальные оценки) до максимально профеминистского (максимальные оценки).

Статистическая обработка данных проведена с использованием пакета SPSS 27 и R.

Результаты

Полученный фактор «Равенство полов» был сформирован на основе 25 утверждений опросника AWS и имел высокую внутреннюю согласованность и надежность. Коэффициент согласованности шкалы составил $\alpha=0,875$ (альфа Кронбаха) для общей выборки, а для региональных выборок имел следующие значения: Россия $\alpha=0,885$; Болгария $\alpha=0,820$; Беларусь $\alpha=0,898$.

Однофакторный двусторонний дисперсионный анализ (общие линейные модели (GLM, *Univariate two-way ANOVA*) показал значимые главные эффекты переменных «страна» ($F=32,892$; $p<0,001$; $Eta^2=0,036$), «религия» ($F=19,349$; $p<0,001$; $Eta^2=0,081$) и «пол» ($F=252,004$; $p<0,001$; $Eta^2=0,126$) для фактора «Равенство полов».

1 <https://president.gov.by/ru/belarus/society/religia>

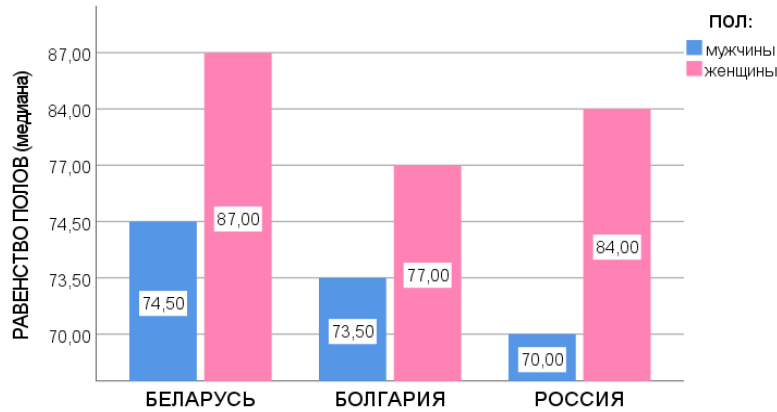
Общие медианные значения представлены в рис.1 и демонстрируют самый высокий уровень равенства полов в Беларуси (особенно у женщин), далее в женской выборке следует Россия и за ней Болгария, тогда как в мужской выборке идет сначала Болгария, далее – Россия. Таким образом, русские мужчины и болгарские женщины имеют самые традиционные взгляды в отношении равенства полов.

При этом наибольший гендерный разрыв между ответами мужчин и женщин наблюдается в российской выборке. Так, российские мужчины в своих ответах чаще утверждали, что женщины должны отдавать приоритет тому, чтобы быть хорошими женами и матерями, а не своим правам, в то время как женщины чаще ценили экономическую и социальную свободу, а не традиционные идеалы матери и жены. В то время как женщины чаще поддерживали равные возможности на рабочем месте, мужчины чаще считали, что некоторые профессии должны быть зарезервированы исключительно за мужчинами. В ответах опрошенных россиян присутствует также существенный разрыв во мнениях о роли женщин в бизнесе и профессиях. Например, обнаружена значимая разница в оценках мужчин и женщин в следующих утверждениях: «Женщины должны меньше беспокоиться о своих правах и больше о том, чтобы быть хорошими женами и матерями» ($F = 133.52$, $df = 1041$, $p < 0.001$), и «Женщины должны быть озабочены своими обязанностями по рождению детей и уходу за домом, а не стремлением к профессиональной и деловой карьере» ($F = 80.17$, $df = 1041$, $p < 0.001$). Российские мужчины также считали, что отцы должны иметь больший авторитет в семье, что прослеживается в разнице ответов на следующий вопрос: «В общем, отец должен обладать большим авторитетом, чем мать, в воспитании детей» ($F = 129.19$, $df = 1041$, $p < 0.001$). Такое отношение может говорить о скорее патриархальных взглядах на семью у мужчин. Ответы мужчин также показали, что доминирование в интеллектуальной и социальной сфере – это мужская прерогатива, например: «Интеллектуальное руководство обществом должно быть в значительной степени в руках мужчин» ($F = 162.82$, $df = 1041$, $p < 0.001$).

Далее, мы исследовали вероятности распределения ответов в трех группах (Беларусь, Болгария, Россия (рис. 2)).

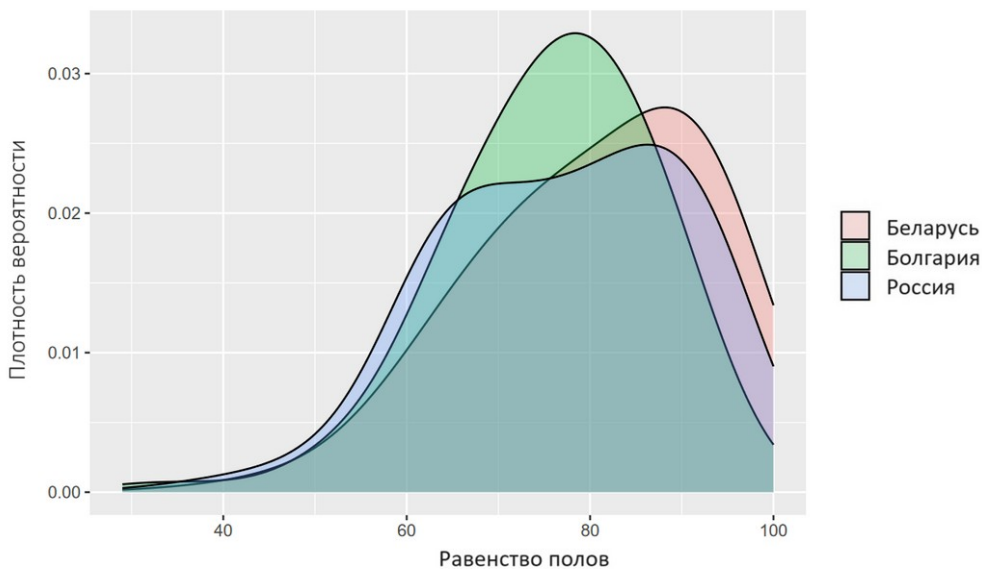
На гистограмме распределения плотности вероятностей значений фактора «Равенство полов» показано, что ответы респондентов из трех исследованных выборок в подавляющем большинстве всецело принимают нормы гендерного равноправия, так как большая часть респондентов абсолютно согласилась с утверждениями анкеты, касающимися равенства полов, и не согласилась с теми из вопросов, в которых эти нормы отрицались. При этом наиболее «равноправной» была Беларусь, а традиционной, вопреки ожиданиям, оказалась Болгария (рис. 2). В российской выборке прослеживаются две доминирующие точки зрения, что видно по наличию двух «горбов» на гистограмме распределения плотности ответов россиян. Такие полярные

взгляды, в свою очередь, характеризуют конфликт двух точек зрения: мужской и женской.

Рисунок 1. Половые и популяционные различия по фактору «Равенство полов»

Figure 1. Sex and population differences in the factor “Gender Equality”

Рисунок 2. Гистограмма распределения значений фактора «Равенство полов» в трех странах

Figure 2. Histogram of distribution of values of the factor “Gender Equality” in three countries

Одномерный дисперсионный анализ (сравнение средних) показал наличие значимых культурных различий по вопросам опросника “Отношение к женщинам” (AWS) по всем вопросам, кроме одного (табл. 3). Наиболее значимые различия наблюдались по 12-ти вопросам, касающимся отношения

к непристойному поведению (например, ругань и непристойности со стороны женщин), прав женщин в профессиональной сфере, равноправия в домашних и семейных делах.

Table 3. Cultural differences in the three Slavic samples on the 25 questions of the Attitudes Toward Women Questionnaire (AWS) included in the construct factor “Gender Equality”

Таблица 3. Культурные различия в трех славянских выборках по 25 вопросам опросника «Отношение к женщинам» (AWS), входящим в конструируемый фактор «Равенство полов»

Вопрос	Выборка	Средние	SD	F-критерий	df	p	Eta ²
1. Ругань и непристойности более отвратительны в речи женщины, чем мужчины.	белорусы	2,88	1,115	96,289	2	<0,001	0,099
	болгары	1,83	1,045				
	русские	2,70	1,154				
2. Женщины должны брать на себя все большую ответственность за лидерство в решении интеллектуальных и социальных проблем современности.	белорусы	2,17	0,951	148,944	2	<0,001	0,145
	болгары	3,16	0,862				
	русские	2,15	1,005				
3. И мужу, и жене должны быть предоставлены одинаковые основания для развода.	белорусы	3,50	0,841	2,280	2	NS	0,003
	болгары	3,37	0,952				
	русские	3,48	0,855				
4. Рассказывать пошлые анекдоты должно быть в основном мужской прерогативой.	белорусы	3,31	0,916	197,377	2	<0,001	0,183
	болгары	2,08	0,982				
	русские	3,22	0,997				
5. Опамянение среди женщин хуже, чем опьянение среди мужчин.	белорусы	2,99	1,149	57,619	2	<0,001	0,061
	болгары	2,31	0,989				
	русские	3,02	1,121				
6. В современных экономических условиях, когда женщины ведут активную жизнь вне дома, мужчины должны участвовать в выполнении домашних обязанностей, таких как мытье посуды и стирка.	белорусы	3,17	0,991	24,315	2	<0,001	0,027
	болгары	3,51	0,866				
	русские	3,07	1,038				
7. Для женщин оскорбительно, что в семейной жизни сохраняется правило «повиноваться».	белорусы	3,39	0,899	6,315	2	0,002	0,007
	болгары	3,36	0,992				
	русские	3,21	1,032				
8. При назначении на работу и продвижении по службе должна существовать строгая система заслуг без учета пола претендента.	белорусы	3,61	0,777	4,420	2	0,015	0,005
	болгары	3,52	0,875				
	русские	3,46	0,934				
9. Инициатива предложения брака женщиной должна быть столь же естественной, как и мужская	белорусы	3,07	0,986	15,992	2	<0,001	0,018
	болгары	2,62	1,225				
	русские	2,92	1,089				
10. Женщины должны меньше беспокоиться о своих правах и больше о том, чтобы быть хорошими женами и матерями.	белорусы	3,13	0,996	20,585	2	<0,001	0,023
	болгары	2,63	1,158				
	русские	2,96	1,085				

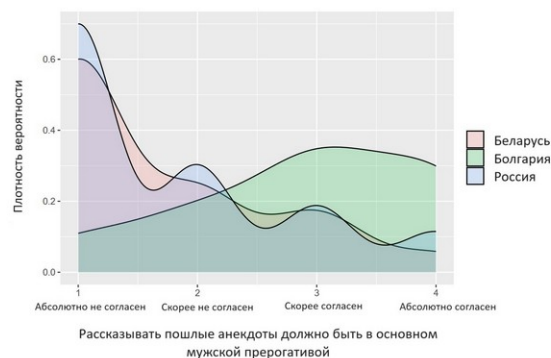
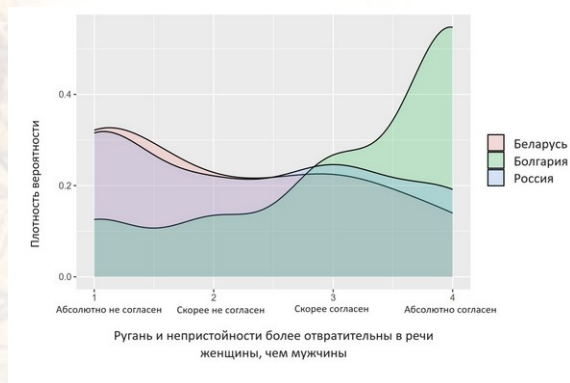
11. Женщины, зарабатывающие столько же, сколько их кавалеры, должны в равной степени нести расходы, когда они встречаются.	белорусы	2,90	0,965				
	болгары	2,72	1,077	3,011	2	0,049	0,003
	русские	2,77	1,068				
12. Женщины должны занять свое законное место в бизнесе и во всех профессиях наравне с мужчинами.	белорусы	3,41	0,846				
	болгары	3,56	0,854	13,454	2	<0,001	0,015
	русские	3,28	0,934				
13. Женщина не должна ожидать, что будет посещать точно такие же места или иметь такую же свободу действий, как и мужчина.	белорусы	3,30	1,008				
	болгары	2,89	1,225	12,011	2	<0,001	0,013
	русские	3,13	1,125				
14. Сыновьям в семье должно быть гораздо больше стимулов для поступления в колледж, чем дочерям.	белорусы	3,55	0,804				
	болгары	3,43	0,982	4,110	2	0,017	0,005
	русские	3,38	0,969				
15. Смешно, когда женщина управляет локомотивом, а мужчина штопает носки.	белорусы	3,36	0,994				
	болгары	3,13	1,165	4,091	2	0,017	0,005
	русские	3,24	1,074				
16. В общем, отец должен обладать большим авторитетом, чем мать, в воспитании детей.	белорусы	3,16	0,989				
	болгары	3,25	1,017	9,671	2	<0,001	0,011
	русские	2,99	1,075				
17. Женщин следует поощрять к тому, чтобы они ни с кем не вступали в сексуальную близость до вступления в брак, даже со своими женихами.	белорусы	3,41	0,871				
	болгары	3,20	1,086	4,271	2	0,014	0,005
	русские	3,28	1,015				
18. Закон не должен отдавать предпочтение мужу перед женой в распоряжениях семейным имуществом или доходом.	белорусы	3,22	1,030				
	болгары	2,75	1,186	16,658	2	<0,001	0,019
	русские	2,93	1,149				
19. Женщины должны быть озабочены своими обязанностями по рождению детей и уходу за домом, а не стремлением к профессиональной и деловой карьере.	белорусы	3,46	0,818				
	болгары	3,35	0,967	4,400	2	0,012	0,005
	русские	3,30	0,975				
20. Интеллектуальное руководство обществом должно быть в значительной степени в руках мужчин.	белорусы	3,23	,969				
	болгары	3,13	1,040	3,292	2	0,037	0,004
	русские	3,07	1,060				
21. Экономическая и социальная свобода гораздо больше ценится женщинами, чем принятие идеала женственности, который был создан мужчинами.	белорусы	2,96	,903				
	болгары	2,84	1,011	4,038	2	0,018	0,005
	русские	2,79	1,020				
22. В среднем женщин следует рассматривать как менее способных вносить вклад в экономическое производство, чем мужчин.	белорусы	3,37	,893				
	болгары	3,16	1,043	3,969	2	0,019	0,004
	русские	3,26	,986				
23. Существует много профессий, в которых мужчинам следует отдавать предпочтение перед женщинами при приеме на работу или продвижении по службе.	белорусы	2,62	1,062				
	болгары	2,79	1,127	9,552	2	<0,001	0,011
	русские	2,49	1,101				

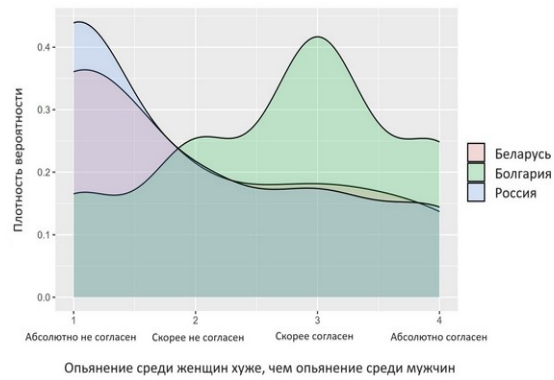
24. Женщинам должны быть предоставлены равные с мужчинами возможности для обучения различным профессиям.	белорусы	3,58	,788	5,003	2	0,007	0,006
	болгары	3,59	,861				
	русские	3,45	,926				
25. Современная девочка имеет право на ту же свободу, что и современный мальчик.	белорусы	3,70	,696	5,535	2	0,004	0,006
	болгары	3,55	,868				
	русские	3,53	,900				

N – численность выборки; *SD* – стандартное отклонение, *df* – степень свободы, *p* – достоверность (NS – не значимо), *Eta2* – эффективный размер

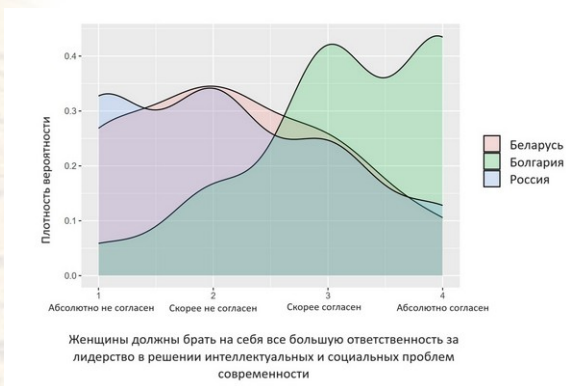
В процессе анализа мы отдельно выделили наиболее значимые вопросы, распределение ответов на которые в больше мере отражало культурные отличия в представлении об идеальных женских и мужских ролях (рис. 3).

Основное наблюдаемое отличие касается болгарской выборки, ответы респондентов из которой в 3-х вопросах показали противоположные взгляды на женские роли – данные вопросы касались приемлемости поведения в отношении женского опьянения, пошлых шуток и грубости в женской речи, то есть поведения, подпадающего под определение «неприличного», «грубого», «вульгарного», агрессивного (рис. 3 а, б, в). Например, с утверждением о том, что «ругань и непристойности более отвратительны в речи женщины, чем мужчины» в подавляющем большинстве анкет болгарские студенты были согласны. В то же время русские и белорусы в основном не соглашались с этой постановкой вопроса и подходили более единообразно к оценкам такого рода неблагоприятного поведения женщин и мужчин. Респонденты из Болгарии в подавляющем большинстве высказались за то, что такие проявления в женском поведении не являются нормой для этой культуры.

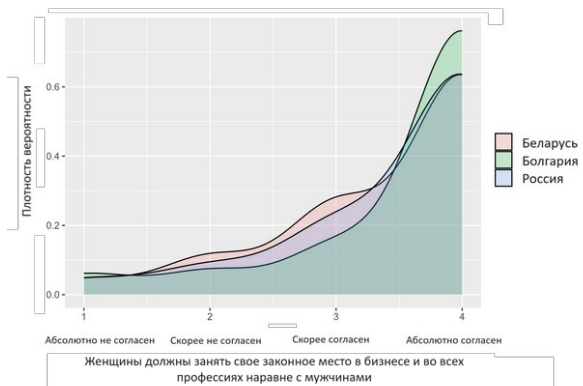

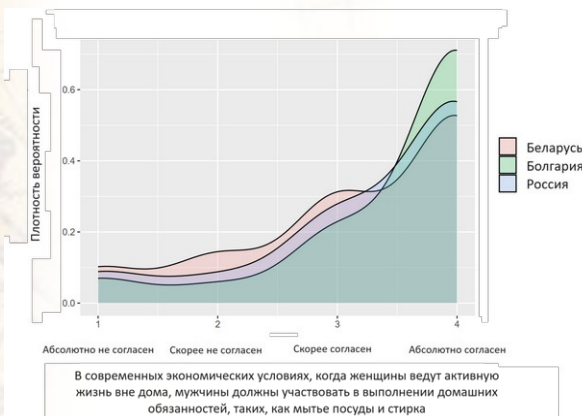
В

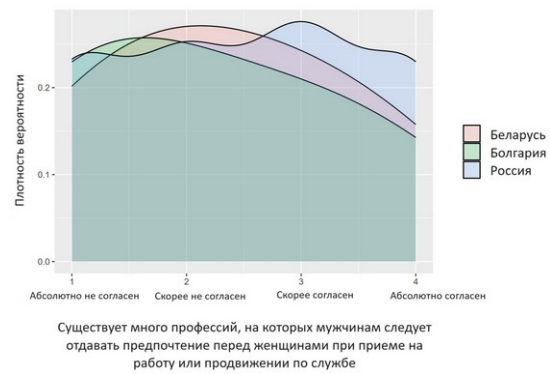
Г

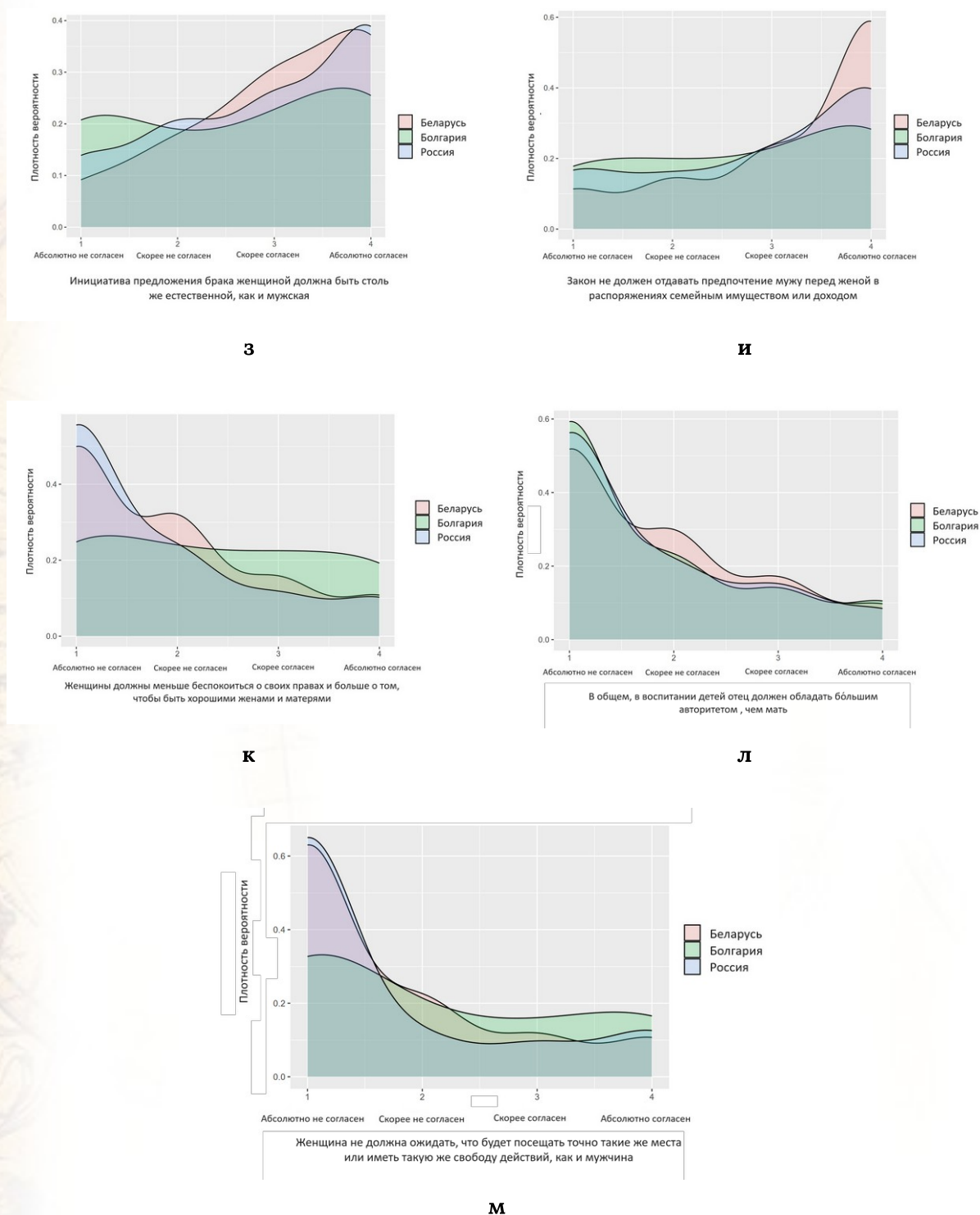
Д

е

Ж

Рисунок 3. Гистограммы распределения значений фактора «Равенство полов» в трех странах по отдельным вопросам

Figure 3. Histograms of distribution of values of the factor “Gender Equality” in three countries on specific questions

С другой стороны, болгары демонстрировали большее стремление к увеличению прав женщин в социально-экономической и политической сферах. В представлении болгарской молодежи женщине стоит брать ответственность и лидерство в решении проблем современности, в то время как русские и белорусы оказались не совсем согласны с этим утверждением (рис. 3 г).

Болгары чаще соглашались с тем, что женщины должны занять законное место в бизнесе наравне с мужчинами, а мужчины наравне с женщинами исполнять домашние обязанности, тогда как русские и белорусы имели чуть более умеренную позицию (рис. 3 д, е). Русские респонденты были самые категоричные в вопросе того, что мужчинам следует отдавать предпочтение в некоторых профессиях (рис. 3 ж).

Значимые различия наблюдались и по вопросам, отражающим брачные и семейные отношения. Распределение взглядов на женскую инициативу предложения вступления в брак показало, что эта инициатива в большей степени была нормой для белорусов и русских, но часто не являлась таковой для болгарской молодежи (рис. 3 з). Белорусы также чаще других соглашались с тем, что муж и жена должны иметь равные права в распоряжении семейным имуществом и доходами (рис. 3 и). Утверждение о ценности экономической и социальной свободы для женщины по сравнению с семейными идеалами было сравнительно высоко оценено респондентами из Беларуси и России, по сравнению с болгарскими студентами (рис. 3 к). Все респонденты при этом скорее не согласились, что отец должен обладать большим авторитетом, чем мать в семье (рис. 3 л). Данный результат указывает на определенные тенденции в смещении уровня отцовской заботы, что необходимо исследовать отдельно.

Большинство русских и белорусских респондентов согласилось с тем, что женщина может иметь такую же свободу действий, как мужчины, тогда как болгары были в этом отношении более традиционны (рис. 3 м).

Влияние религиозных взглядов на равенство полов

В силу того, что религиозные убеждения встроены в культурный образ мышления и оказывают влияние на поведение людей, мы специально рассмотрели воздействие этого аспекта на формирование представлений о равенстве между полами. Распределение ответов по данному фактору представлено в табл. 4. Поскольку все три выборки в целом состояли из представителей православной конфессии, наибольший интерес в проводимом анализе представляет сравнение ответов верующих и атеистов. Стоит обратить внимание на то, что среди болгар преобладала (почти в 2 раза больше, чем у русских и белорусов) категория верующих (православие) и меньше всего было респондентов, указавших, что они атеисты.

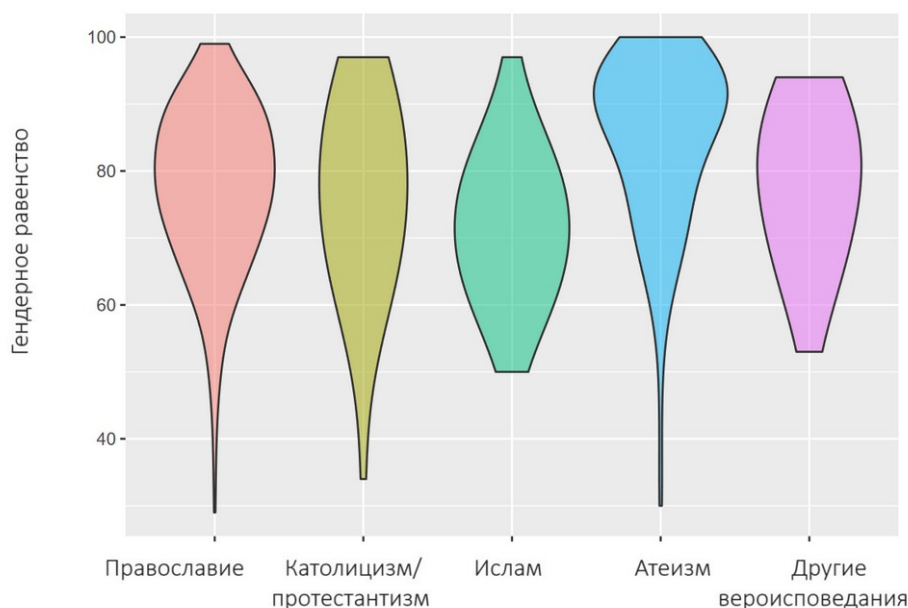
Table 4. Characteristics of samples from Russia and Belarus by the factor of religious perceptions

Таблица 4. Характеристики выборок из России и Беларуси по фактору религиозных представлений

Страна	Православие	Католицизм/ протестантизм	Ислам	Буддизм	Иудаизм	Атеизм	Другие
Беларусь	50,4	8,3	-	-	0,3	38,3	2,7
Болгария	78,3	4,0	11,6	-	-	5,5	-
Россия	58,3	0,8	0,9	0,8	0,2	37,4	1,6

Все данные представлены в % от общей выборки по каждой стране

Как видно на рисунке 4, респонденты, считающие себя атеистами, демонстрировали в своих ответах наиболее радикальное соответствие своих взглядов идеалам гендерного равенства. Принадлежность же респондента к одной из религиозных конфессий свидетельствовала о его умеренном отношении к проблеме равенства полов. При этом меньшие медианные значения переменной «Равенство полов» были в группе мусульман, наибольшие – в группе православных.

Рисунок 4. Гистограмма взаимосвязи переменной «Равенство полов» в группах разных религиозных взглядов

Figure 4. Histogram of the relationship between the variable “Gender Equality” in groups of different religious views

Обсуждение

В статье проведена сравнительная оценка представлений о мужских и женских ролях среди молодежи из трех славянских популяций (русских, белорусов и болгар) в трех странах. В первой части исследования было показано, что представления о равенстве полов, выражаемые через наиболее популярные ответы респондентов из изучаемых стран, оказались во многом схожи. Так, 13 вопросов из 25 анкеты ASW получили весьма схожие оценки у студентов из исследуемых стран Восточной Европы. При этом подавляющее большинство ответов всей нашей агрегированной выборки соответствовали принципам равноправия мужчин и женщин, идеалам равенства полов в контексте широкого круга социальных взаимодействий. Однако наша гипотеза о том, что болгары, входящие в состав Евросоюза, будут отличаться по некоторым нормам вследствие проведения активной политики борьбы за гендерное равенство в этом регионе в феминистскую сторону, не подтвердились. Напротив, по многим вопросам болгары оказались более традиционными в своих представлениях о том, что приемлемо для женщины, а что нет.

Результаты проведенного анализа ответов россиян и белорусов во многом противоречат сложившемуся в западной печати нарративу об утрате значимости гендерного равенства для жителей России и Беларуси. Так, консервативный поворот, который стал доминировать в российском обществе, начиная с 2010-х годов, а также ряд политических инициатив органов государственной власти Российской Федерации, направленных на защиту семьи и традиционных ценностей, на запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, а также на ограничение деятельности феминистских групп и отдельных активистов, подняли много шума вокруг гендерной политики нашей страны (Johnson, 2023). В этот период в западной прессе Россию стали представлять в качестве флагмана общемировой тенденции усиления нападков на сексуальные свободы и гендерные права (Edenborg, 2023). В сравнительных исследованиях зарубежных авторов нередко гендерный климат современной России связывается с возрождением патриархальных категорий и стереотипов (Doğangün, 2020). Тем не менее, результаты данного сравнительного исследования представлений о гендерном равенстве в среде студенческой молодежи в целом не подтверждают этих тенденций. Студенты в подавляющем большинстве всецело принимают нормы гендерного равноправия, так как большая часть респондентов абсолютно согласилась с утверждениями анкеты, касающимися равенства полов, и не согласилась с теми из вопросов, в которых эти нормы отрицались. Суммарные баллы ответов российской молодежи занимали срединную позицию по сравнению с ответами студентов из двух других стран; таким образом, не подтвердилась наша гипотеза о том, что российская выборка будет наиболее традиционной в своих ответах.

В то же время в ответах россиян был обнаружен наибольший гендерный разрыв между представлениями мужчин и женщин о равенстве полов – мужчины и женщины в России продемонстрировали разные идеологические взгляды на ценности гендерного равенства, что свидетельствует о присутствии так называемой гендерной поляризации в обществе. Эти результаты частично согласуются с европейскими исследованиями ценностей 2017–2020 гг., показавшими, что мнения в странах Восточной Европы, как правило, кажутся более отличающимися между полами, чем в странах Западной Европы; при этом гендерные ролевые установки в домашней сфере более поляризованы, чем в общественной сфере (Lomazzi, Soboleva, 2024). Однако в России мы наблюдаем, что различия наблюдаются в значительной части общественной сферы: российские женщины склонны отдавать приоритет своим правам и интересам и стремятся к самореализации в бизнесе и профессиях, тогда как мужчины не одобряют это стремление.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что мужчины чаще придерживаются традиционных взглядов на роль женщины. По нашему мнению, такие значительные различия во мнениях между мужчинами и женщинами в результатах проведенного опроса могут скорее указывать на острый конфликт идеологий, присутствующий в отношениях между полами в нашей стране (Иванов, Козлов, 2021), нежели на факты ущемления женщин в правах. Поляризацию идеологических мнений во взглядах можно объяснить различными факторами, включающими социализацию, образование и жизненный опыт (Lomazzi, Soboleva 2024); диапазон мнений может быть объяснен и некой транзитивностью, переходным этапом в построении новой гендерной идеологии (Szołtysek et al., 2017). Отчасти наблюдаемое расхождение во взглядах может быть связано с неясно артикулированной государственной семейной и гендерной политикой, направленной как на мужскую, так и на женскую аудитории. Наше исследование, по сути являющееся пилотной работой, одним из первых обозначило проблематику гендерной поляризации мнений российской молодежи. Дальнейшая исследовательская работа в этом направлении могла бы полнее осветить вопросы конфликта мужской и женской идеологий в российском обществе.

Среди трех исследованных нами групп белорусская выборка показала самый высокий показатель гендерного равенства (хотя мы предполагали увидеть его у болгар). Этот результат можно связать, с одной стороны, с тем фактом, что Беларусь сегодня является приемником социалистической модели гендерного равноправия позднесоветского периода, когда женщины и мужчины были активно включены в экономическую жизнь страны. В то же время ряд белорусских исследователей выделяют признаки продвижения в Республике Беларусь западных ценностей гендерного равенства и феминизма (Бабосов, 2021), в том числе и благодаря географической близости к Европе и облегчению поездок в Европу до политических событий, связанных с президентскими выборами. В Беларуси гендерные исследования начали

активно развиваться с середины 1990-х гг. Европейский гуманитарный университет, созданный в Минске в 1992 г., стал плацдармом для комплексного изучения гендерной проблематики. Таким образом, наши данные скорее подтверждают выводы некоторых зарубежных исследователей о том, что в Беларуси существует уникальный этап, известный как «патриархальный эгалитаризм» (Szołtysek et al., 2017), который подразумевает смесь эгалитарной модели равенства полов советской эпохи с одновременным присутствием влияния как западной гендерной модели феминизма, так и определённой доли традиционности (Shchurko, 2018).

Как известно, социалистические страны дали права женщинам во многих отраслях раньше, чем это сделали многие другие страны, несмотря на отсутствие женского политического представительства в советский период. Белорусская ССР, наряду с другими социалистическими государствами Восточной Европы, добилась значительных успехов в продвижении гендерного равенства. Участие женщин в общественной жизни поощрялось, и они играли решающую роль в экономическом развитии страны. Женщины составляли значительный процент рабочей силы, особенно в сельском хозяйстве, промышленности и образовании. Социалистическая система предусматривала оплачиваемый декретный отпуск, отпуск по уходу за ребенком и образование для всех граждан, включая женщин. Это способствовало более сбалансированному распределению семейных обязанностей и улучшению позиций женщин на рынке труда, где им давались возможности для профессионального развития. Женщины в Беларуси часто занимали различные руководящие должности, в том числе в правительстве, и были активны в профсоюзах, женских организациях и культурных учреждениях. В последние годы в Беларуси наблюдался рост политического участия женщин и присутствия их в парламенте (Satymbekova, 2016).

Однако риторика западных исследователей апеллирует к спаду гендерного равноправия в Беларуси при нынешнем правительстве, возглавляемом с 1994 года президентом Александром Лукашенко (Andrychuk, 2022). Хотя остатки социалистической модели сохраняются, западные социологи указывают на регресс в таких областях, как права женщин, репродуктивное здоровье и образование (Garova, 2002). При этом отмечается российское влияние через пропаганду культурных ценностных ориентиров, в которых доминирует тематика традиционности и маскулинности (Yusupova, 2023). Наше исследование, между тем, опровергает эти данные: абсолютное большинство молодых белорусов согласилось с утверждениями анкеты, касающимися равенства полов. При этом белорусские мужчины оказались наиболее ориентированными на ценности гендерного равноправия среди мужчин из трех исследованных нами славянских культур. Мы также не выявили в белорусском обществе присущего современной России расхождения мнений мужской и женской аудитории, что косвенно опровергает тезис

о прямом распространении идеологических взглядов и штампов норм мужского и женского поведения в двух соседних странах.

Детальный анализ показал ряд любопытных культурных отличий в представлениях студенческой молодёжи Болгарии об идеальных женских ролях от таковых в российской и белорусской выборках. Обобщая, можно сказать, что болгарская выборка оказалась более традиционной в своих представлениях, чем мы предполагали, особенно если это касалось приемлемости того или иного поведения (вульгарное поведение женщин или инициатива предложения вступления в брак со стороны женщин). Но если вопросы равноправия полов касались отношений в профессиональной или социальной сфере, стремления к лидерству и ответственности, болгарскими студентами это полностью поддерживалось и оценивалось достаточно высоко.

Учитывая обнаруженные различия, мы выдвигаем предположение о том, что в Болгарии в определенной степени присутствует традиционный подход к пониманию идеалов женского поведения и места женщины в семье, несмотря на проведение активной политики борьбы за гендерное равенство в этом регионе после вхождения Болгарии в ЕС. Более того, в Болгарии наблюдается активное противодействие инициативам и законопроектам Евросоюза по гендерным вопросам. К примеру, в начале 2018 года огромный общественный дискурс в Болгарии был инициирован в связи с ратификацией Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, что привело к бурным дискуссиям относительно как наличия самого понятия «гендер» (которое отсутствует в болгарском языке), так и пересмотра ролей мужчин и женщин. До недавнего времени термин «гендер», обсуждавшийся преимущественно в академических кругах, многими признавался как термин, навязанный «Западом», и как часть более широкой стратегии по навязыванию «неестественных» ценностей, «несовместимых с болгарскими христианскими нормами и моралью» (Darakchi, 2019). Ассоциация «Общество и ценности» в Болгарии с 2012 года ведет борьбу за традиционную семью, выступая в основном против документов и инициатив ЕС, и поддерживается националистическими движениями: например, коалицией «Объединенные патриоты», которая имеет 27 мест в парламенте (из 240), социалистами (Болгарская социалистическая партия). Эти политические позиции были также поддержаны Болгарской православной церковью, Главным муфтием, главами католической и протестантской церквей, болгарскими православными. В итоге в июле 2018 года Конституционный суд постановил, что Конвенция не соотносится определению мужчины и женщины в Конституции Республики Болгарии и объявлена не соответствующей главному закону страны¹.

Женственность, по всей видимости, имеет высокую значимость в болгарском обществе. И хотя в экономической и профессиональной сфере привет-

1 <http://ohrh.law.ox.ac.uk/promoting-gender-ideology-constitutional-court-of-bulgaria-declares-istanbul-convention-unconstitutional/>

ствуются идеалы абсолютного равенства полов, определенные традиционные ролевые модели в межличностных отношениях играют существенную роль в Болгарии. Например, девушка все еще может осуждаться за то, что она выступит инициатором бракосочетания, и в целом, ее публичное поведение оценивается строже, нежели поведение молодого человека. В одном из исследований 2005 г., проведенном среди болгар, было показано, что существуют традиционные стереотипы относительно гендерной роли женщины, занимающейся воспитанием детей, а мужчины – как ответственного за материальное обеспечение семьи (Стоянова, 2005). Гендерные различия присутствовали в стереотипах об организации развлечений и семейных дел (Стоянова, 2005), что согласуется с нашими результатами. С другой стороны, имеются работы, описывающие гендерные вопросы посткоммунистического поколения молодежи в Болгарии (результаты 2010-х гг.) и показывающие, что современные болгарские молодые женщины очень амбициозны и придают значительно большее значение карьере, чем их сверстники-мужчины (Ådnanes, 2010). Студентки выразили более прогрессивные и современные взгляды, подчеркивая гендерное равенство как в семье, так и в обществе, а студенты-мужчины придерживались более консервативных взглядов, сохраняя традиционные гендерные роли (Ådnanes, 2010). Наши данные показывают также, что болгары-мужчины имеют меньшие оценки по показателю гендерного равенства, однако не так консервативны, как русские мужчины.

Одной из причин большей полярности гендерных ролей в Болгарии по всей видимости является значительная связь этого общества с духовными и религиозными традициями православного прошлого. Статистика по нашим выборкам показала, что среди болгар больше всего приверженцев православной церкви (78,3% при сравнении с 50,4% в Беларуси и 58,3% в России). Как отмечалось выше, культурная идентичность болгар тесно связана с их религиозными предпочтениями. За последние 20 лет в Болгарии наблюдается своеобразное возвращение к традиционным христианским ценностям и обычаям (Ганева, 2010). Вера, как явление массовое среди болгар, по нашему мнению, может оказывать непосредственное влияние на формирование традиционного взгляда на нормы женского поведения в этом обществе. В Болгарии лишь 5,5% респондентов заявили о том, что они атеисты, тогда как в Беларуси и России этот процент был существенно выше – 38,3% и 37,4%, соответственно. Наиболее традиционными в своих ответах были мусульмане (часть болгарской выборки). В исследовании 2005 г. также были выявлены религиозные стереотипы в отношении воспитания детей и организации семейной субкультуры – взгляды христиан были более эгалитарны (обоим супругам отводились примерно равные роли) (Стоянова, 2005). Отдельно стоит отметить, что болгарская выборка представлена неравномерно – в основном на вопросы отвечали женщины, что, с одной стороны, является ограничением исследования, а с другой стороны, показывает, что полученные результаты о большей традиционности болгар исходят именно от женщин.

В целом исследования показывают, что женщины более религиозны (сильнее подвержены религиозности), чем мужчины (Stark, 2002; Zinkina et al., 2024). Исследователи указывают на 3 основных причины такой дифференциации: 1) личностные характеристики: женщины социализированы, чтобы быть более пассивными и заботливыми, и эти характеристики связаны с более высоким уровнем религиозности; 2) традиционные гендерные роли (женщины социализируются в роли матери, жены, опекуна семьи и т.д., что рассматривается как подразумевающее религиозность); 3) женщины воспитываются в обществах, где они лишены социальной и экономической власти, где поощряется женская пассивность и покорность (вариант первого объяснения), заставляя женщин принимать роль матери и опекуна семьи (вариант второго объяснения), а также повышает привлекательность религии как поставщика социальной и эмоциональной поддержки для борьбы с заблокированными социальными и экономическими стремлениями (разновидность классической депривации) (Miller and Stark, 2002; Zinkina et al., 2024).

Кроме того, во всех странах мира согласно базе данных World Values Survey (2021), женщины в целом чаще, чем мужчины, отмечают важность семьи в их жизни, а мужчины ориентированы на лидерство и общественные дела (Zinkina et al., 2024). В таком ракурсе, полученный результат по болгарам может быть смещен к более традиционному взгляду на мужские и женские роли благодаря большему участию женщин в опросе.

Выводы

В исследовании обнаружены половые и культурные различия в представлениях о мужских и женских ролях в городских молодежных выборках трех стран – Беларуси, Болгарии и России. В половине вопросов были получены схожие оценки у студентов из исследуемых стран Восточной Европы, соответствующие принципам равноправия мужчин и женщин, идеалам равенства полов в контексте широкого круга социальных взаимодействий.

Различия в средних значениях ценностей гендерного равенства в трех исследованных нами культурах оказались неожиданными, так как наша гипотеза заключалась в том, что в Болгарии предполагались более высокие баллы в оценках молодежи феминистических ценностей, так как после вхождения в ЕС в этой стране ведется активная политическая борьба за гендерное равенство, права женщин и права меньшинств, тогда в российской выборке мы ожидали увидеть самые традиционные взгляды. Однако наибольшую ценность гендерного равенства в своих ответах продемонстрировала белорусская молодежь, болгарские же студенты оказались более традиционными, чем мы предполагали, что проявилось наиболее ярко в их представлениях о приемлемости поведения женщин в приватной сфере и семейных отношениях.

Российская же выборка, вопреки расхожему мнению о распространении патриархальной идеологии внутри страны, оказалась в срединном положении

по отношению к двум другим славянским культурам, хотя имелись значимые различия между полами – мужчины были вполне традиционны в своих представлениях, тогда как женщины придерживались более профеминистских позиций.

К наиболее важным выводам представленной работы также необходимо отнести обнаруженный нами факт отсутствия единства представлений о равенстве полов у молодых людей и девушек, опрошенных нами в России, что указывает на острый конфликт идеологий в отношениях между полами в нашей стране. Таким образом, теоретическая и практическая значимость данной работы для России заключается в выявлении причин и преодолении различий во взглядах молодежи на нормы поведения и идеалы гендерного равенства.

Принадлежность респондентов к той или иной религиозной конфессии соотносилась с менее высокими баллами итоговой переменной «равенство полов», тогда как самые профеминистские ответы давали атеисты, а самые традиционные взгляды были у мусульман. При этом болгары показали наиболее значимую связь фактора «равенство полов» с религией, по сравнению с русскими и белорусами. Можно предположить, что приверженность религии в противовес отсутствию религиозных представлений является одной из основ поддержания традиционных ценностей в вопросах гендерного равенства.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01639, <https://rscf.ru/project/24-28-01639/>

Список литературы

- Ådnanes, M. (2001). Youth and Gender in Post-Communist Bulgaria. *Journal of Youth Studies*, 4(1), 25-40. <https://doi.org/10.1080/13676260120028538>
- Andrychuk, G. (2022). *Gender and LGBTQI+ Politics in the 2020 Belarusian Movement* [Diploma Thesis]. Charles University.
- Bell, A. C., & Burkley, M. (2014). “Women Like Me Are Bad at Math”: The Psychological Functions of Negative Self-Stereotyping. *Social and Personality Psychology Compass*, 8(12), 708-720. <https://doi.org/10.1111/spc3.12145>
- Crosen, R., & Gneezy, U. (2009). Gender Differences in Preferences. *Journal of Economic Literature*, 47(2), 448-474. <https://doi.org/10.1257/jel.47.2.448>
- Darakchi, S. (2019). “The Western Feminists Want to Make Us Gay”: Nationalism, Heteronormativity, and Violence Against Women in Bulgaria in Times of “Anti-gender Campaigns.” *Sexuality & Culture*, 23(4), 1208-1229. <https://doi.org/10.1007/s12119-019-09611-9>
- Doğangün, G. (2020). Gender Climate in Authoritarian Politics: A Comparative Study of Russia and Turkey. *Politics & Gender*, 16(1), 258-284. <https://doi.org/10.1017/S1743923X18000788>

- DuBois, L. Z., & Shattuck-Heidorn, H. (2021). Challenging the binary: Gender/sex and the bio-logics of normalcy. *American Journal of Human Biology*, 33(5), e23623. <https://doi.org/10.1002/ajhb.23623>
- Eagly, A. H., & Wood, W. (1991). Explaining Sex Differences in Social Behavior: A Meta-Analytic Perspective. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 17(3), 306–315. <https://doi.org/10.1177/0146167291173011>
- Eagly, A. H., & Wood, W. (2012). Social Role Theory. In P. Van Lange, A. Kruglanski, & E. Higgins, *Handbook of Theories of Social Psychology* (pp. 458–476). SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n49>
- Edenborg, E. (2023). Anti-Gender Politics as Discourse Coalitions: Russia's Domestic and International Promotion of "Traditional Values." *Problems of Post-Communism*, 70(2), 175–184. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1987269>
- Fiske, S. T., Cuddy, A. J. C., Glick, P., & Xu, J. (2002). A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>
- Fors Connolly, F., Goossen, M., & Hjerm, M. (2020). Does Gender Equality Cause Gender Differences in Values? Reassessing the Gender-Equality-Personality Paradox. *Sex Roles*, 83(1–2), 101–113. <https://doi.org/10.1007/s11199-019-01097-x>
- Gapova, E. (2002). On Nation, Gender, and Class Formation in Belarus ... and Elsewhere in the Post-Soviet World. *Nationalities Papers*, 30(4), 639–662. <https://doi.org/10.1080/00905992.2002.10540511>
- Global Gender Gap Report. (2017). World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf
- Global Gender Gap Report. (2023). World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf
- Haines, E. L., Deaux, K., & Lofaro, N. (2016). The Times They Are a-Changing ... or Are They Not? A Comparison of Gender Stereotypes, 1983–2014. *Psychology of Women Quarterly*, 40(3), 353–363. <https://doi.org/10.1177/0361684316634081>
- Hofstede, G. (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. SAGE Publications.
- Johnson, J. E. (2023). Authoritarian Gender Equality Policy Making: The Politics of Domestic Violence in Russia. *Politics & Gender*, 19(4), 1035–1060. <https://doi.org/10.1017/S1743923X2300003X>
- Lomazzi, V., & Soboleva, N. (2024). Polarization of gender role attitudes across Europe. *Journal of Contemporary European Studies*, 32(4), 1192–1211. <https://doi.org/10.1080/14782804.2024.2327846>
- Martin, C. L., & Ruble, D. (2004). Children's Search for Gender Cues: Cognitive Perspectives on Gender Development. *Current Directions in Psychological Science*, 13(2), 67–70. <https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2004.00276.x>
- Miller, A. S., & Stark, R. (2002). Gender and Religiousness: Can Socialization Explanations Be Saved? *American Journal of Sociology*, 107(6), 1399–1423. <https://doi.org/10.1086/342557>
- Ridgeway, C. L. (2001). Gender, Status, and Leadership. *Journal of Social Issues*, 57(4), 637–655. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00233>

- Satymbekova, T. (2016). *Female Political Participation and Barriers That Women Face In Politics: Lessons from Post-Soviet Kazakhstan and Belarus* [Master Thesis]. Nazarbayev University.
- Semenova, O., Apalkova, J., & Butovskaya, M. (2021). Sex Differences in Spatial Activity and Anxiety Levels in the COVID-19 Pandemic from Evolutionary Perspective. *Sustainability*, 13(3), 1110. <https://doi.org/10.3390/su13031110>
- Shchurko, T. (2018). 'Gender education' in the post-Soviet Belarus: Between authoritarian power, neoliberal ideology, and democratic institutions. *Policy Futures in Education*, 16(4), 434–448. <https://doi.org/10.1177/1478210317719779>
- Shweder, R. A. (2003). *Why Do Men Barbecue?: Recipes for Cultural Psychology*. Harvard University Press.
- Spence, J. T., Helmreich, R., & Stapp, J. (1973). A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS). *Bulletin of the Psychonomic Society*, 2(4), 219–220. <https://doi.org/10.3758/BF03329252>
- Stark, R. (2002). Physiology and Faith: Addressing the “Universal” Gender Difference in Religious Commitment. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 41(3), 495–507. <https://doi.org/10.1111/1468-5906.00133>
- Stoyanova, S. (2005). Stereotypes of gender roles and role distribution in the family. In S. Dzhonev, S. Dimitrova, P. Nikolov, T. Yancheva, K. Gaidarov, V. Rusinova, P. Dimitrov, & R. Velcheva (Eds.), *Third National Congress in Psychology* (pp. 268–275). Sofi-R.
- Szołtysek, M., Klüsener, S., Poniat, R., & Gruber, S. (2017). The Patriarchy Index: A New Measure of Gender and Generational Inequalities in the Past. *Cross-Cultural Research*, 51(3), 228–262. <https://doi.org/10.1177/1069397117697666>
- Yusupova, M. (2023). Coloniality of Gender and Knowledge: Rethinking Russian Masculinities in Light of Postcolonial and Decolonial Critiques. *Sociology*, 57(3), 682–699. <https://doi.org/10.1177/00380385221110724>
- Zankina, E. (2023). *Pro-Russia or anti-Russia: Political dilemmas and dynamics in Bulgaria in the context of the war in Ukraine*. European Center for Populism Studies (ECPS). <https://doi.org/10.55271/rp0012>
- Zinkina, J., Butovskaya, M., Shulgin, S., & Korotayev, A. (2024). Global Evolutionary Perspectives on Gender Differences in Religiosity, Family, Politics and Pro-Social Values Based on the Data from the World Values Survey. *Social Evolution & History*, 23(1), 76–105. <https://doi.org/10.30884/seh/2024.01.04>
- Бабосов, Е. М., Арчаков, В. Ю., & Баньковский, А. Л. (2021). Кому выгодно внедрение западных социальных стандартов? *Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук*, 66(4), 402–410. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-4-402-410>
- Бутовская, М. Л., Карелин, Д. В., & Буркова, В. Н. (2012a). Датога Танзании сегодня: Экология и культурные установки. *Азия и Африка сегодня*, 22, 51–55.
- Бутовская, М. Л., Карелин, Д. В., & Буркова, В. Н. (2012b). Традиционные скотоводы Восточной Африки сегодня: Репродуктивный успех, плодовитость, детская смертность и благосостояние датога Северной Танзании. *Вестник Московского Университета. Серия 23: Антропология*, 4, 70–83.
- Ганева, З. Р. (2010). Важность религиозной идентичности для болгарского и ромского населения. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 1, 60–65.

- Иванов, А. В., & Козлов, В. Е. (2021). Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования). *Казанский педагогический журнал*, 4(147), 264–270.
- Население и демографски процеси. (2023). Национален статистически институт Республики България. https://nsi.bg/sites/default/files/files/pressreleases/Census2021_ethnos.pdf (На болгарском)
- Национальный состав. (2021). Росстат. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami
- Перепись населения. (2019). Белстат. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2019/infografika-i-plakaty/>
- Стоянова, С. (2005). Стереотипи за половите роли и разпределение на ролите в семейството. В С. Джонев, С. Димитрова, П. Николов, Т. Янчева, К. Гайдаров, В. Русинова, П. Димитров, & Р. Велчева (Ред.), *III Национален конгрес по психология* (с. 268–275). София: Софи-Р.

** – Движение признано в России экстремистским

References

- Ådnanes, M. (2001). Youth and Gender in Post-Communist Bulgaria. *Journal of Youth Studies*, 4(1), 25–40. <https://doi.org/10.1080/13676260120028538>
- Andrychuk, G. (2022). *Gender and LGBTQI+ Politics in the 2020 Belarusian Movement* [Diploma Thesis]. Charles University.
- Babosov, E. M., Archakou, V. Yu., & Bankowsk, A. L. (2021). Who benefits from the introduction of Western social standards? *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series*, 66(4), 402–410. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-4-402-410> (In Russian).
- Bell, A. C., & Burkley, M. (2014). “Women Like Me Are Bad at Math”: The Psychological Functions of Negative Self-Stereotyping. *Social and Personality Psychology Compass*, 8(12), 708–720. <https://doi.org/10.1111/spc3.12145>
- Butovskaya, M. L., Karelin, D. V., & Burkova, V. N. (2012a). Datoga of Tanzania today: ecology and cultural attitudes. *Asia and Africa Today*, 22, 51–55. (In Russian).
- Butovskaya, M. L., Karelin, D. V., & Burkova, V. N. (2012b). Traditional Pastoralists of East Africa Today: Reproductive Success, Fertility, Child Mortality and Welfare of Datoga of Northern Tanzania. *Lomonosov Journal of Anthropology (Moscow University Anthropology Bulletin)*, 4, 70–83. (In Russian).
- Census. (2019). Belstat. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2019/infografika-i-plakaty/> (In Russian).
- Crosen, R., & Gneezy, U. (2009). Gender Differences in Preferences. *Journal of Economic Literature*, 47(2), 448–474. <https://doi.org/10.1257/jel.47.2.448>

- Darakchi, S. (2019). “The Western Feminists Want to Make Us Gay”: Nationalism, Heteronormativity, and Violence Against Women in Bulgaria in Times of “Anti-gender Campaigns.” *Sexuality & Culture*, 23(4), 1208–1229. <https://doi.org/10.1007/s12119-019-09611-9>
- Doğangün, G. (2020). Gender Climate in Authoritarian Politics: A Comparative Study of Russia and Turkey. *Politics & Gender*, 16(1), 258–284. <https://doi.org/10.1017/S1743923X18000788>
- DuBois, L. Z., & Shattuck-Heidorn, H. (2021). Challenging the binary: Gender/sex and the bio-logics of normalcy. *American Journal of Human Biology*, 33(5), e23623. <https://doi.org/10.1002/ajhb.23623>
- Eagly, A. H., & Wood, W. (1991). Explaining Sex Differences in Social Behavior: A Meta-Analytic Perspective. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 17(3), 306–315. <https://doi.org/10.1177/0146167291173011>
- Eagly, A. H., & Wood, W. (2012). Social Role Theory. In P. Van Lange, A. Kruglanski, & E. Higgins, *Handbook of Theories of Social Psychology* (pp. 458–476). SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n49>
- Edenborg, E. (2023). Anti-Gender Politics as Discourse Coalitions: Russia’s Domestic and International Promotion of “Traditional Values.” *Problems of Post-Communism*, 70(2), 175–184. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1987269>
- Fiske, S. T., Cuddy, A. J. C., Glick, P., & Xu, J. (2002). A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>
- Fors Connolly, F., Goossen, M., & Hjerm, M. (2020). Does Gender Equality Cause Gender Differences in Values? Reassessing the Gender-Equality-Personality Paradox. *Sex Roles*, 83(1–2), 101–113. <https://doi.org/10.1007/s11199-019-01097-x>
- Ganeva, Z. R. (2010). The Importance of Religious Identity for Bulgarian and Romany Population. *Culture and Arts Herald*, 1, 60–65. (In Russian).
- Gapova, E. (2002). On Nation, Gender, and Class Formation in Belarus ... and Elsewhere in the Post-Soviet World. *Nationalities Papers*, 30(4), 639–662. <https://doi.org/10.1080/00905992.2002.10540511>
- Global Gender Gap Report. (2017). World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf
- Global Gender Gap Report. (2023). World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf
- Haines, E. L., Deaux, K., & Lofaro, N. (2016). The Times They Are a-Changing ... or Are They Not? A Comparison of Gender Stereotypes, 1983–2014. *Psychology of Women Quarterly*, 40(3), 353–363. <https://doi.org/10.1177/0361684316634081>
- Hofstede, G. (2001). *Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. SAGE Publications.
- Ivanov, A. V., & Kozlov, V. E. (2021). Sociocultural Aspects of Gender Conflict in Radical Network Communities of Runet (Based on Field Research). *Kazan Pedagogical Journal*, 4(147), 264–270. (In Russian).
- Johnson, J. E. (2023). Authoritarian Gender Equality Policy Making: The Politics of Domestic Violence in Russia. *Politics & Gender*, 19(4), 1035–1060. <https://doi.org/10.1017/S1743923X2300003X>

- Lomazzi, V., & Soboleva, N. (2024). Polarization of gender role attitudes across Europe. *Journal of Contemporary European Studies*, 32(4), 1192–1211. <https://doi.org/10.1080/14782804.2024.2327846>
- Martin, C. L., & Ruble, D. (2004). Children's Search for Gender Cues: Cognitive Perspectives on Gender Development. *Current Directions in Psychological Science*, 13(2), 67–70. <https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2004.00276.x>
- Miller, A. S., & Stark, R. (2002). Gender and Religiousness: Can Socialization Explanations Be Saved? *American Journal of Sociology*, 107(6), 1399–1423. <https://doi.org/10.1086/342557>
- National Composition. (2021). Rosstat. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (In Russian).
- Population and demographic processes. (2023). National Statistical Institute of the Republic of Bulgaria. https://nsi.bg/sites/default/files/files/pressreleases/Census2021_ethnos.pdf (In Bulgarian).
- Ridgeway, C. L. (2001). Gender, Status, and Leadership. *Journal of Social Issues*, 57(4), 637–655. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00233>
- Satymbekova, T. (2016). *Female Political Participation and Barriers That Women Face In Politics: Lessons from Post-Soviet Kazakhstan and Belarus* [Master Thesis]. Nazarbayev University.
- Semenova, O., Apalkova, J., & Butovskaya, M. (2021). Sex Differences in Spatial Activity and Anxiety Levels in the COVID-19 Pandemic from Evolutionary Perspective. *Sustainability*, 13(3), 1110. <https://doi.org/10.3390/su13031110>
- Shchurko, T. (2018). 'Gender education' in the post-Soviet Belarus: Between authoritarian power, neoliberal ideology, and democratic institutions. *Policy Futures in Education*, 16(4), 434–448. <https://doi.org/10.1177/1478210317719779>
- Shweder, R. A. (2003). *Why Do Men Barbecue?: Recipes for Cultural Psychology*. Harvard University Press.
- Spence, J. T., Helmreich, R., & Stapp, J. (1973). A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS). *Bulletin of the Psychonomic Society*, 2(4), 219–220. <https://doi.org/10.3758/BF03329252>
- Stark, R. (2002). Physiology and Faith: Addressing the “Universal” Gender Difference in Religious Commitment. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 41(3), 495–507. <https://doi.org/10.1111/1468-5906.00133>
- Stoyanova, S. (2005). Stereotypes of gender roles and distribution of roles in the family. In S. Dzhonev, S. Dimitrova, P. Nikolov, T. Yancheva, K. Gaydarov, V. Rusinova, P. Dimitrov, & R. Velcheva (Eds.), *III National Congress on Psychology* (pp. 268–275). Sofia: Sophie-R. (In Bulgarian).
- Stoyanova, S. (2005). Stereotypes of gender roles and role distribution in the family. In S. Dzhonev, S. Dimitrova, P. Nikolov, T. Yancheva, K. Gaidarov, V. Rusinova, P. Dimitrov, & R. Velcheva (Eds.), *Third National Congress in Psychology* (pp. 268–275). Sofi-R.
- Szołtysek, M., Klüsener, S., Poniat, R., & Gruber, S. (2017). The Patriarchy Index: A New Measure of Gender and Generational Inequalities in the Past. *Cross-Cultural Research*, 51(3), 228–262. <https://doi.org/10.1177/1069397117697666>
- Yusupova, M. (2023). Coloniality of Gender and Knowledge: Rethinking Russian Masculinities in Light of Postcolonial and Decolonial Critiques. *Sociology*, 57(3), 682–699. <https://doi.org/10.1177/00380385221110724>

Zankina, E. (2023). *Pro-Russia or anti-Russia: Political dilemmas and dynamics in Bulgaria in the context of the war in Ukraine*. European Center for Populism Studies (ECPS). <https://doi.org/10.55271/rp0012>

Zinkina, J., Butovskaya, M., Shulgin, S., & Korotayev, A. (2024). Global Evolutionary Perspectives on Gender Differences in Religiosity, Family, Politics and Pro-Social Values Based on the Data from the World Values Survey. *Social Evolution & History*, 23(1), 76–105. <https://doi.org/10.30884/seh/2024.01.04>

** - The movement is recognized as extremist in Russia